

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

(по материалам писем читателей
в центральные газеты)

Читательские письма все чаще и чаще стали встречаться на страницах газет и журналов. Публикуются ли письма целиком, в виде выдержек или обзоров читательской почты — они приковывают к себе внимание. Появляются и обзоры писем по национальным вопросам¹. В них цитируются высказывания читателей по самым разнообразным сюжетам, связанным с национальным развитием, начиная от экономики и экологии до культуры и психологии межнационального общения. Естественно, такие обзоры не претендуют на систематическое изложение общественного мнения. В данной работе мы вычленили одну тему: как проблемы национальных языков воспринимаются в связи с межнациональными отношениями, какие возникают конфликтные ситуации и как авторы писем предлагают их преодолевать. Сложнейшие вопросы о перспективах этнического развития, ассимиляционных процессах, судьбах этнических общностей и их языков не были и не могли быть предметом рассмотрения в этой статье из-за характера источника. Мы опирались на неопубликованные письма по национальным проблемам, поступившие в редакции газет «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Советская культура»².

В последнее время анализ писем читателей стал основой для ряда публицистических работ³. Как правило, авторы таких статей отталкиваются от ряда положений, содержащихся в письмах, с целью перейти от суждений читателей о реальности к самой реальности или охарактеризовать высказанные взгляды, выявить их социальных носителей. К сожалению, в этих работах обычно не ставится задача оценить письма читателей как источник сведений о состоянии общественного сознания (исключение составляет статья Г. С. Батыгина). Можно ли от оценок содержания писем перейти к оценке степени распространения в обществе тех или иных взглядов?

Отношение одного из ведущих советских специалистов по изучению общественного мнения — Б. А. Грушина к письмам как к социологическому источнику скорее скептическое. Он отмечает такие недостатки источника, как фрагментарность, охват лишь части существующих в обществе мнений, представлений, искажение фактического общественного мнения с точки зрения его субъекта, структуры, знака и других существенных характеристик. Использование писем, как и других материалов, фиксирующих спонтанно выраженное общественное мнение, требует определенных оговорок, поправок⁴. Это общеметодологическое требование сохраняет свое значение и в нынешней ситуации, хотя при оживившейся общественной жизни расширился круг тех, кто пишет письма в газеты, и увеличилась свобода выражения различных мнений.

Поток писем — явление стихийное. Если при опросах проблема ставится исследователем подчас независимо от того, насколько она актуальна для опрашиваемых, то в письмах высказываются взгляды как раз

¹ Орлик Ю. Деликатная сфера//Известия. 1988. 24 января; Авотинш В. Достоинство/Комсомольская правда. 1988. 3 марта; Жарников А. С позиций справедливости//Правда. 1988. 18 апреля.

² Идея о привлечении писем читателей в качестве социологического источника была высказана Л. М. Дробизевой, и данная работа проводилась по ее инициативе.

³ См., например: Афанасьев Ю. Н. Понять себя сегодняшних//Наука и жизнь. 1988. № 1; Батыгин Г. С. «Добродетель» против интереса (заметки об отражении распределительных отношений в массовом сознании)//Социологические исследования. 1987. № 3; Бестужев-Лада И. В. Правда и только правда//Неделя. 1988. № 5; Лисичкин Г. Люди и вещи//Дружба народов. 1988. № 1; и др.

⁴ Грушин Б. А. О двух подходах к изучению общественного мнения//Социологические исследования. 1982. № 4.

по жизненно важным для пишущих вопросам. Непосредственность писем, заинтересованность авторов в то же время создают ограничения для использования писем в качестве источника сведений как о действительности, так и об общественном мнении. Как правило, в письмах речь идет о нерешенных проблемах, неудовлетворенности настоящей ситуацией. Степень критичности по отношению к действительности, естественно, выше, чем та, которую можно было бы обнаружить при зондировании общественного мнения. Можно предположить, что в почте не весь диапазон мнений, суждений представлен полностью. Это не значит, что их нет, просто их носители менее активны.

Далее, круг тем, поднимаемых в письмах, тяготеет к кругу проблем, затронутых в публикациях газет и журналов. Соотношение разных тем в читательской почте зависит, таким образом, от содержания сообщений самих средств массовой информации. Изменившаяся за последние несколько лет роль прессы в нашем обществе, оперативность ее отклика на общественные события, острота публикаций повлияли на ответный поток писем читателей. Печать становится действительным средством массовой информации, средством воздействия на общественное сознание. Результаты такого воздействия и представлены в читательской почте. Так, около 58% писем о национальных отношениях, поступивших в «Правду», были откликами на публикации газеты.

Совокупность писем, в которых затрагиваются национальные вопросы, отражает многообразие форм проявления национального, хотя не все его аспекты освещаются в письмах в равной мере. По словам сотрудников редакций, постоянно работающих с письмами, проблемы национально-государственного устройства и национально-экономические вопросы стали ставиться в письмах лишь в последние год-два. Особенностью нынешней почты является то, что читатели все чаще пытаются теоретически аргументировать взгляды, рассмотреть частный вопрос с точки зрения общих проблем национального развития. Авторы многих писем обращаются к ленинскому наследию, не просто ссылаясь на ленинские принципы национальной политики, а прямо цитируя высказывания В. И. Ленина. Современная философская литература, посвященная национальным проблемам, известна многим из них, но не в ней ищут они ответа на волнующие их вопросы. Читатель из Москвы восклицает: «В чем запутались философы? В чем они хотят разобраться? Сколько лет они будут разбираться и на какой вопрос они не нашли ответ у В. И. Ленина?». Судя по письмам, тот факт, что национальные процессы — предмет особой науки об этносах, большинству читателей неизвестен.

О том, какие проблемы волнуют авторов, может говорить количественная оценка тематики писем. Приблизительность такой оценки объясняется тем, что наша выборка — моментальный срез текущей почты. Она включает письма, с которыми мы ознакомились в декабре 1987 г. — январе 1988 г. Всего нами проанализировано более 700 писем, пришедших в редакции четырех газет. Основная их масса посвящена двум темам — деятельности общества «Память» (около 400 писем) и вопросу о положении крымских татар (около 100 писем). Так как обе темы могут быть предметом особых статей, здесь мы не будем их касаться. В 197 письмах говорилось о разных аспектах национальных проблем в СССР. В дальнейшем речь пойдет именно об этих письмах.

Читательская почта охватывает всю страну, но разные регионы представлены неодинаково. 82 письма пришло из РСФСР (в том числе 28 из Москвы, 19 из автономных республик), 10 из Прибалтики, 52 с Украины и из Белоруссии, 3 из Молдавии, 17 из Закавказья, 17 из Средней Азии, 16 из Казахстана. Любопытно, что «географические» пропорции примерно одинаковы во всех газетах.

Наши сведения об авторах писем неполны, так как не всегда корреспонденты сообщают о себе. Среди работающих, назвавших свою профессию (таких было немного — 77 человек), большинство составляла интеллигенция: 23 человека — специалисты в области гуманитарных наук, 6 — в области естественных, 19 человек — представители интеллигенции мас-

совых профессий (врачи, инженеры), 4 человека — представители творческой интеллигенции, 7 человек — рабочие, 18 — служащие. О социальной принадлежности остальных 120 авторов судить по тексту писем невозможно. Преобладание лиц умственного труда среди указавших свою профессию можно объяснить тем, что эти авторы часто ссылаются на свою профессиональную деятельность для обоснования тех или иных положений. Пишут письма по национальным вопросам преимущественно мужчины — 83% корреспондентов.

Каждое письмо, как правило, охватывает не один, а несколько аспектов национальных отношений. Поэтому нецелесообразно делить всю массу писем тематически. Подсчитывалось, как часто тот или иной вопрос поднимается в письмах читателей. Экономические проблемы во взаимосвязи с национальными ставятся в 21 письме. Это — вопросы межхозяйственных связей республик, а также «теневая экономика» в разнообразии ее местных форм. Вопросы национально-государственного устройства затрагиваются в 24 письмах. Речь в них идет о национальных автономиях, правах союзных и автономных республик, законодательстве по национальным отношениям. Кадровые проблемы, связь социального продвижения, возможностей получения высшего образования с национальной принадлежностью рассматриваются в 39 письмах. К ним близки письма об учете национальности в личных документах — 5 писем. Наиболее обширной оказалась почта по проблемам родного языка и двуязычия — об этом пишет 81 человек. Проблемы развития национальной культуры поднимаются в 18 письмах. О недостаточном изучении и неудовлетворительном преподавании родной истории говорится в 36 письмах. В 14 письмах проблемы межнациональных отношений рассматриваются на личных примерах.

Из всего многообразия перечисленных тем мы выбрали проблемы национальных языков. Такой выбор обусловлен как численным преобладанием писем по этой теме, так и тем значением, которое придается в массовом сознании языковым проблемам. Для большинства авторов писем национальный язык — важнейшее средство сохранения целостности народа, его культуры. Ценность культурного многообразия человечества — вот основная идея, которая преобладает в письмах.

«Страна наша многонациональна — и это огромное богатство. Какое обилие культур! А культура каждого народа, самого малого или большого, — это явление уникальное не только в масштабе нашей страны, но и в сокровищнице мировой культуры... Для сохранения отдельных видов животных и растений ученые мира придумали Красную книгу. Неужели культура (язык) любого народа стоит меньше, чем какая-нибудь букашка или травинка?» (поселок ЭССР, эстонец) ⁵.

«Ведь один какой-либо вид дерева не может представлять все виды деревьев. Так же и с языком, с нацией, с культурой. Это разнообразие и есть наше мироздание, и надо его бережно хранить ради полноценной жизни на земле. Эта аксиома для всех давно известна. Но, очевидно, ее надо повторять» (Тбилиси, грузин).

Подобные мысли содержатся и в других письмах. Они кажутся авторам очевидными, естественными. Так же это выглядит и в выступлениях писателей ⁶. По их мнению, существование богатства культур — достояние общечеловеческое, поэтому их сохранение — забота не только носителей какой-то культуры, но и всех людей. Эта идея в научной аудитории пробивает себе путь с большим трудом. Достаточно посмотреть ответные реплики на выступление за «круглым столом» в журнале «История

⁵ Здесь и далее, цитируя выдержки из писем, мы будем указывать место, откуда пришло письмо, и национальность автора (если она названа). Все письма были подписаны, на них имеется точный обратный адрес.

⁶ Показательны сами названия статей, опубликованных в последнее время в центральной печати: *Гончар О.* Язык — достояние общечеловеческое // Книжное обозрение. 1987. 4 декабря; *Самойленко А.* Язык — забота не только писателя // Литературная газета. 1988. 2 марта.

СССР» С. А. Арутюнова, который теоретически обосновывает сходные положения⁷.

В незначительной части писем выражаются мысли противоположного характера. Например, в одном из писем, пришедших из Москвы, сказано: «При коммунизме будет один язык — русский. Русский язык должен стать не „средством межнационального общения“ — это само собой. Он должен стать основой единого мировоззрения народов СССР, должен стать средством советского образа жизни».

Встречаются и утверждения, ставящие знак равенства между заинтересованностью в развитии национальной культуры, языка и национализмом, между интернационализмом и ассимиляцией. Насильственная ассимиляция считается при этом положительным явлением. Существование таких взглядов на «интернационализм» говорит не только об общем уровне культуры тех, кто их разделяет, но и о серьезных недостатках интернационального воспитания. Это воспитание идет в отрыве от пропаганды элементарных основ этнографических знаний.

Категории, которыми пользуются авторы писем, не всегда явно выражены в тексте, но их можно вычлени из содержания: естественный и насильственный характер языковых процессов, их обратимость или необратимость, бюрократизм и игнорирование национальных интересов, взаимодействие языков и их конкуренция, добровольность в выборе языка обучения и обязательность знания родного языка, допустимость административного вмешательства в языковую жизнь и демократический подход к языковым вопросам. Мы в своей работе рассматриваем не столько сами суждения, сколько те позиции, с которых они высказываются, не столько сами оценки, сколько их критерии. Такой подход позволяет в определенной степени уменьшить вероятность искажения структуры общественного мнения.

Сама тематика писем значительно отличается от той, которая принята в научных трудах по языковым процессам. В научных работах обосновывается необходимость двуязычия в многонациональном государстве, анализируется степень его распространения, факторы, влияющие на приобщение к русскому языку как средству межнационального общения⁸. Однако в них трудно найти факты, рассказывающие о положении национальных языков, об их общественном престиже. Эти факты стали широко известны из выступлений писателей из союзных и автономных республик на VIII съезде писателей СССР (1986 г.), на последующих пленумах правления Союза писателей, особенно последнем — 1988 г., темой которого было «Совершенствование национальных отношений, перестройка и задачи советской литературы»⁹. Можно по-разному относиться к этим выступлениям, считать, что «писатели излишне „драматизируют“ ситуацию» (как сказано в статье Э. Баграмова)¹⁰, но отворачиваться от поставленных вопросов, делать вид, что их не существует, нельзя. Разумеется, писатели по своим профессиональным интересам в наибольшей степени связаны с родным языком. Но их озабоченность вызвана не только их особым положением, так как многие из них пишут параллельно на русском и на родном языке. Более того, их известность в общесоюзной аудитории связана как раз с публикациями на русском языке. Писатели, как и другие деятели культуры, остро воспринимают этноязыковые проблемы и являются выразителями общественного мнения. А о том, что они отстаивают не свои групповые интересы, свидетельствует

⁷ Национальные процессы в СССР: итоги, тенденции, проблемы. Беседа за «круглым столом»//История СССР. 1987. № 6.

⁸ См., например, обобщающую работу: Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР: основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М.: Наука, 1984.

⁹ См.: Литературная газета, 1988 г. 9 марта. Журнал «Дружба народов» публикует, начиная с № 5 за 1988 г., выступления писателей на тему «Нация. Язык. Литература».

¹⁰ Багров Э. Национальная проблема и обществознание//Правда. 1987. 14 августа.

значительная доля читательской почты, обращенной к национальным сюжетам.

Основная масса писем, в которых рассматриваются языковые проблемы, посвящена не двуязычию, а именно судьбам родных языков. Авторы оговаривают, что об изучении русского языка пишется и помимо них немало. Необходимость языка межнационального общения в многонациональном государстве признается всеми. Об этом упоминается как о чем-то само собой разумеющемся. Авторы писем заботит иной аспект взаимодействия языков, на который обычно меньше обращают внимания, — гарантии для сохранения и развития национальных языков.

Ситуация с национальными языками на территории страны разнообразна. Поэтому и письма по языковым проблемам можно разделить на четыре группы: от украинцев (24 письма), к ним примыкает одно письмо от белоруса; от основных национальностей других союзных и автономных республик (соответственно 14 и 10); письма от представителей народов, не имеющих автономий или живущих вне своей основной этнической территории (17); от русских из разных регионов (15). За исключением некоторых писем от представителей инонациональных групп, живущих в союзных и автономных республиках, все остальные касаются проблем соотношения русского и национальных языков.

Сужение сфер функционирования ряда языков в союзных (Украина, Белоруссия) и автономных республиках (например, в Поволжье) происходило в последние десятилетия в условиях, когда давления на них (запрета, ограничений) не оказывалось. Можно ли отсюда заключить, что ход языковых процессов был полностью естественным, что вытеснение родного языка русским было закономерным итогом интеграционных тенденций? Авторы писем оспаривают это положение. Они выстраивают такую цепочку: если в сфере управления (делопроизводство, проведение официальных мероприятий) перейти с национального языка на русский, перевести на него обучение в высших учебных заведениях, то за этим через некоторое время последует падение заинтересованности в обучении детей на родном языке в средней школе. В таких условиях отдать ребенка в детский сад с национальным языком (даже если он существует) представляется совершенно бессмысленным. Складывается ситуация вроде бы добровольного отказа населения от своего родного языка. Эти процессы сначала интенсивно идут в крупных городах, затем распространяются на города поменьше, а потом захватывают и сельскую местность. Национальный язык оказывается очень хрупким, разрыв в одном месте влечет за собой нарастающие потери в других областях языковой жизни.

Учет всех факторов, повлиявших на языковую ситуацию, установление их иерархии — задача специальных научных работ. В каждом из регионов были свои причины для сокращения использования национального языка. Однако существует и одно общее обстоятельство. Авторы писем видят его в бюрократизации общественной жизни, в формировании слоя своей, национальной бюрократии. Чингиз Айтматов так описал этих людей: «...особый тип демагога — говоруна — трибунщика, который сделал для себя восхваление русского языка к месту и не к месту и умаление собственного чуть ли не престижной профессией»¹¹. Читатели также определенно выделяют эту группу.

«Наши руководители и депутаты Башкирской АССР угодничали, подхалимничали перед шовинизмом, прежде всего беспокоились о своем кресле, для них было зазорным хоть один раз выступить по телевизору или по радио на башкирском языке. Поэтому их никогда не беспокоило состояние изучения башкирского языка в школах БАССР» (г. Салават, башкир). «Многие руководители до сих пор не выступают на родном языке, некоторые даже не говорят. Ценность дружбы не в повторении „дружба, дружба...“, ценность ее в уважении языка ближнего, его культуры и истории» (Казань, татарин). По словам одного читателя-украин-

¹¹ Айтматов Ч. Цена — жизнь // Литературная газета. 1986. 13 августа.

ца, если стремление местных деятелей «выглядеть святее папы римского» прямо не поощрялось, то по крайней мере их и не одергивали из центра.

Для нарушения жизни языка необязателен злой умысел. Простого невнимания, пренебрежения к национальному языку достаточно, чтобы подорвать его позиции. И мелочей здесь нет, начиная от планирования размещения школ, подготовки преподавателей, кончая выпуском пишущих машинок, например, с украинским шрифтом или этикеток на продуктах питания. В качестве доказательства один из читателей с Украины прислал коробку от сухарей, на которой все надписи были по-русски. И это продукция, которая идет не на всесоюзный рынок, а предназначается для реализации внутри республики. Того же порядка и факт, приводимый эстонским писателем Ю. Тууликом: в Эстонии исчезли географические карты, на которых названия пунктов были бы указаны по-эстонски («Жизнь не раз доказывала, что однажды забытое со временем нередко оборачивается трудновосполнимыми потерями») ¹².

Взаимодействие языков неизбежно вызывает их конкуренцию. Беспокойство за судьбу родного языка непосредственно влияет на двуязычие, его масштабы. Представители местной национальной интеллигенции выражают тревогу по поводу недоверия, предубеждения, складывающегося в некоторых группах своего народа против русского языка (такие мысли есть, например, в письме узбека из Намангана). Распространение русского языка могло бы быть более широким, если бы он не воспринимался как альтернатива родному.

Двуязычие (или в более общем случае — многоязычие) подразумевает некоторое разделение сфер общественной жизни, в которых преобладает тот или иной язык. «Сферы влияния» языков зависят от многих факторов: степени зрелости литературных языков, разработанности научной и технической терминологии. Имеет значение также, являются ли языки генетически родственными, какова история их взаимоотношений (в этом плане ситуация взаимодействия украинского и белорусского языков с русским отличается от складывающейся при контакте русского и других национальных языков).

Ясно, что в настоящий момент языки народов СССР в неодинаковой степени могут конкурировать с русским языком как языком науки и техники. Дальнейшая судьба национальных языков в этих сферах зависит и от социальной структуры национальностей, от масштабов развития определяющих научно-технический прогресс видов деятельности, и от субъективных факторов — тех усилий, которые будут приложены национальной интеллигенцией для совершенствования языка, разработки соответствующей терминологии. Вытеснение одного языка другим из некоторых областей жизни может происходить естественным путем в силу различий их потенциалов. Не исключено, что этот процесс не всегда адекватно осознается как процесс объективный. Даже в самой благоприятной ситуации, когда нет искусственного подталкивания языковых процессов, утрата позиций родного языка может восприниматься болезненно. Тем более это имеет место, если происходит нарушение естественных пропорций.

Ситуация, когда житель села, приехавший в столицу собственной республики или другой крупный город, не может на родном языке обратиться в любое учреждение, считается ненормальной (это отмечается в письмах из Ташкента, Тбилиси). Группа представителей интеллигенции из Ташкента предлагает, чтобы вся официальная документация в республике велась не только по-русски, но параллельно на двух языках — узбекском и русском. Автор письма из Эстонии считает необходимым установить такой порядок, при котором официальные мероприятия в союзных республиках проводились бы на местном языке, т. е. на языке народа, дающего название республике.

¹² Туулик Ю. Язык наш живой // Литературная газета. 1988. 17 февраля.

Возможно, именно подобного рода предложения имеет в виду Э. Баграмов, когда пишет о «требовании административно ограничить употребление русского языка»¹³. Его позиция встречает возражения со стороны читателей. Вот иная точка зрения: «Равенство национальных языков в СССР означает в первую очередь равенство условий для развития каждого языка на территории народа, для которого он является родным. И когда украинский язык будет возвращаться в свои естественные и законные берега функционирования, то вполне естественно выглядит определенное сужение сферы применения русского языка. Но от этого никуда не деться, если придерживаться принципов социальной справедливости, ибо такова логика взаимодействия национальных языков с русским на территории союзных республик. Восстановление искусственно нарушенных отношений, пропорций, всегда сопряжено с определенным перераспределением» (село Житомирской области, украинец).

Желание изменить языковую ситуацию видно из читательской почты и из публичных выступлений деятелей культуры разных республик. Острота таких выступлений тем больше, чем заметнее утрачены позиции национального языка в республике. И самые решительные меры для исправления сложившейся ситуации предлагаются именно в тех случаях, когда иным путем повернуть вспять ход процесса невозможно.

«Процесс вытеснения украинского языка происходил не сам по себе. И не в качестве преподавания дело. Весь этот процесс происходил под воздействием негласного администрирования. И возродить роль украинского языка в республике можно только тем же путем — административным» (Чернигов, украинец).

Вопрос о том, в какой степени вообще обратимы языковые процессы, в таком случае обычно не ставится. Он на деле очень непрост.

Параллели из истории зарубежных стран показывают, что какой-то фатальной предопределенности в развитии языковых процессов нет. Попытки изменить их ход предпринимались интеллигенцией в период формирования наций, когда речь шла о создании национальных литературных языков. Нагляден пример чехов, которые в XVIII в. были двуязычны, причем роль государственного языка для них выполнял немецкий. В то время высказывались сомнения в самой возможности создать современную культуру на чешском языке. Однако эти усилия достигли успеха¹⁴.

Современная этноязыковая ситуация в Европе разнообразна. С одной стороны, есть пример фламандского языка в Бельгии, пережившего возрождение с конца прошлого века, хотя, казалось бы, позиции его были подорваны¹⁵. Стремительное экономическое развитие, особенно переход к новым наукоемким технологиям в фламандских провинциях Бельгии, в последние десятилетия укрепили положение фламандского языка. Иная ситуация сложилась в Ирландии, где воскрешение ирландского языка, принадлежащего к кельтской группе, стало одной из приоритетных целей правительства со времени получения независимости в 1921 г. Несмотря на все усилия, предпринимавшиеся для внедрения ирландского языка, достижения официальной языковой политики были весьма скромными: язык удалось сохранить, на нем существует литература, его используют при проведении национальных праздников, но все же язык повседневной жизни, не говоря уже о производстве и общественных делах, — английский¹⁶.

Вообще говоря, перспективы развития языков связаны с социальными потребностями. Надо учитывать, есть ли слои населения, которые реально, своим общественным положением заинтересованы в том,

¹³ Баграмов Э. Указ. раб.

¹⁴ Немищенко Г. П., Широкова А. Г. Особенности формирования литературного языка чешской нации в эпоху национального возрождения // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.

¹⁵ Козлов В. И. О динамике языкового и национального состава населения Бельгии // Этнические процессы в странах Зарубежной Европы. М., 1970.

¹⁶ Павеленко А. П. Языковая ситуация в Ирландии // Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы. М., 1981.

чтобы именно национальный язык обслуживал внутринациональные связи. Насколько положение этих слоев связано с прогрессивными тенденциями социально-экономического развития и соответственно в какой степени они могут привлечь на свою сторону массу народа — от всего этого зависит, быть ли национальному языку. В период складывания капиталистических наций таким классом была формирующаяся буржуазия. Втягивание населения в товарно-денежные отношения порождало общность языковой жизни, стремление общаться на своем языке.

Существуют ли в условиях социалистического общества слои населения помимо творческой интеллигенции, активно заинтересованные в сохранении позиций родного языка, об этом в настоящий момент судить невозможно. Пока отсутствуют не только знания, но и сама постановка вопроса о социальных функциях национальных языков в многонациональной социалистической стране.

Вопрос об обратимости языковых процессов связан с вопросом о тех мерах, которые, по мнению авторов писем, необходимо предпринять, чтобы вернуть позиции национальным языкам там, где они утрачены. В тех случаях, когда потребности населения в обучении на родном языке полностью не удовлетворялись, ответ, на наш взгляд, может быть только один: гарантировать возможность отдать ребенка в школу с преподаванием на родном языке. Но как быть в том случае, если подорвана заинтересованность самого населения в изучении своего языка? Ведь если не предпринимать специальных усилий, то нынешняя ситуация будет воспроизводиться во все расширяющихся масштабах, как это происходит на Украине и в Белоруссии.

Наиболее категорические высказывания по этому поводу содержатся в письмах с Украины. На примере этих писем рассмотрим, как ставится читателями проблема добровольности при выборе языка обучения.

На первый взгляд сейчас существует дилемма: либо язык обучения выбирается родителями, либо количество школ, классов на том или ином языке планируется исходя из национального состава населения территории. Так это противопоставляется в упоминавшейся статье Э. Баграмова. На самом деле разнообразие позиций значительно большее.

Право родителей на выбор языка обучения их детей может быть действительным, если выполнен ряд условий. Авторы писем доказывают, что на практике они нарушались. Говорить о добровольности в условиях, когда в ряде городов полностью отсутствуют школы с национальным языком, а в других их насчитываются единицы, не приходится. Никаких попыток учесть мнение родителей, выявить потребности в классах с преподаванием на разных языках не проводилось. Такой учет возможен при гибкой образовательной системе, когда число различных классов изменяется год от года. Это ставит дополнительные проблемы с педагогическими кадрами, учебниками. Таким образом, если последовательно отстаивать принцип добровольности, то нужно добиваться материальных возможностей его осуществления.

Как антитеза добровольности выступает обязательность изучения национального языка в республиках. Здесь надо уточнить, что имеется в виду: язык, на котором ведется все обучение, или язык как предмет изучения? Затем, обязательность по отношению к кому — ко всему населению соответствующей республики или только к той национальности, для которой он является родным?

«Считаю, что в проект Устава средней школы следует записать два важных пункта: 1) в соответствии с национальным составом учеников язык обучения определяет Совет Министров союзной республики, 2) запрещается освобождать учеников от изучения языка республики, который непосредственно подчинена школа» (Полтава, украинец).

Очевидно, предложение об определении количества различных школ исходя из численности разных национальностей касается языка, на котором преподаются все предметы. В письмах есть упреки в «языковом нигилизме», обращенные к представителям своего народа, упреки в чисто прагматическом подходе к изучению и использованию родного языка.

Выбор того или иного языка, как правило, обосновывается интересами дальнейшей профессиональной деятельности. Понятно беспокойство о сохранении родного языка, его жизнеспособности. Однако принудительность, которая подразумевается этим предложением, чревата насилием над населением и может вызвать даже не безразличие к своему языку, а резкое его неприятие. К тому же сомнительно, чтобы такой путь был эффективен. Авторы писем осознают, что положение национальных языков в системе школьного образования связано с общей языковой ситуацией в республиках. Без расширения сферы функционирования национального языка в общественной жизни потребность в его изучении не увеличится. С другой стороны, без людей, знающих язык, такое расширение не может произойти. Получается как бы замкнутый круг. Если не рассматривать другие пути развития национальных языков, то положение представляется безнадежным. Как раз об иных мерах идет речь в письмах из разных республик.

Предлагается, чтобы язык той национальности, которая дает название республике, был обязательным предметом изучения в школах этой республики. Это, кстати, было безусловным правилом до войны, на что часто ссылаются корреспонденты. Они полагают, что независимо от того, на каком языке ведется обучение, любой житель республики должен изъясняться на ее языке. В тех республиках, где признается обязательность изучения национального языка, не всегда уровень его преподавания в русских школах достаточно высок. Такие же недостатки характерны и для преподавания русского языка в национальных школах, но последствия для судеб каждого из языков совершенно различны. В последнем случае речь идет о преградах для реального, а не формального двуязычия, в первом — о возможности выживания национального языка, если учесть, что в ряде республик представители основной национальности предпочитают, чтобы их дети учились не на родном, а на русском языке. Невнимание к качеству преподавания языка, бюрократическое равнодушие к нему губительны. Обязательное изучение языка республики в школах, если оно осуществляется на должном уровне, позволяет по крайней мере сохранить его. Иначе отрезаются целые пласты культуры народа. В настоящее время на Украине озабоченность вызывает тот факт, что молодежь просто не может читать классическую литературу на родном украинском языке, и даже произведения Т. Г. Шевченко становятся ей недоступны. Такие процессы действительно грозят стать необратимыми.

По отношению к так называемому «некоренному населению» республик во многих публикациях в периодике говорится о желательности знания им языка основной национальности республики. Эти пожелания, апелляция к уважению традиций, культуры иноэтнического населения, в среде которого живут люди другой национальности, останутся только пожеланиями, если делать упор исключительно на психологические факторы. Марина Костенецкая, русская писательница из Риги, знающая латышский язык, приводит пример своих русских коллег, живущих в Латвии: «Среди них есть и такие, кто, прожив в Риге 30—40 лет, не только не способен ни слова вымолвить по-латышски, но еще и бравитует этим. Неуважение к языку и культуре нации, на земле которой ты сложил свой очаг,— признак отсутствия культуры»¹⁷.

Знание языка становится внутренней потребностью лишь в том случае, если оно необходимо для вхождения в производственную деятельность и общественную жизнь. Иначе появляются обособленные на национальной почве круги общения, замкнутость и настороженность в межэтнических отношениях. Понимание этой связи самим иноэтническим населением республик еще не гарантирует заинтересованность в изучении национального языка.

«Каждый уважающий себя человек, проживающий в данной местности, ради уважения других должен хотя бы сносно изъясняться на на-

¹⁷ Литературная газета. 1986. 26 ноября.

циональном языке данной местности. В этом вопросе принуждение не годится. Здесь должны главенствовать добровольные пожелания каждого. Обязательно же для всех жителей СССР знать русский язык» (Чимкент, русский).

Русский из Кишинева сетует: «Русских ребят побуждают изучать местный язык, затем родной и иностранный. И это при уплотненной программе».

Характерно, что обратный случай — освоение русского языка наряду со своим и иностранным другими национальностями, тоже требующее усилий, — обходится молчанием. В многонациональном обществе двуязычие, шире — многоязычие ведет к наиболее благоприятным межэтническим отношениям, если оно не одностороннее, а двустороннее. Шаги в сторону укрепления позиций национального языка, несомненно, задевают интересы значительного слоя людей, а именно тех, кто этот язык не знает и не собирается учить.

Обязать учить язык можно, но обязать знать его невозможно, за исключением отдельных случаев. Авторы писем как пример такого случая приводят работу на руководящих должностях в государственных партийных, общественных организациях.

«Чтобы быть руководителем, политическим деятелем, нужно прежде всего любить тех, кем ты думаешь руководить, кого представлять в руководящих органах, а также завоевать их расположение. А для этого, как минимум, надо свободно общаться с народом на его родном языке. Знать только „здравствуйте“ и „до свиданья“ недостаточно» (поселок ЭССР, эстонец).

Узбек из Ташкента отмечает, что В. И. Ленин при назначении на руководящие должности в республиках интересовался знанием языка местного населения. Венгр из Чопа пишет, что даже при буржуазном правительстве Чехословакии от чиновников требовалось сдавать экзамен по языку того народа, среди которого ему предстоит работать и т. д. Ставится ли в письмах вопрос о придании национальному языку статуса государственного на территории республики или о том, чтобы он использовался в сфере управления, речь идет об одном — об активизации ряда значимых функций национальных языков.

К проблеме национально-русского двуязычия не сводятся все языковые вопросы, поднимаемые в письмах. Особую группу составляют письма от представителей национальных меньшинств, не имеющих своей национальной государственности или живущих вне своей этнической территории: немцев Казахстана, венгров Закарпатья, поляков из Литвы и Белоруссии, татар из Москвы, Сибири, Башкирии, таджиков из Узбекистана, лезгин из Азербайджана. Если для ряда групп речь идет о качестве преподавания родного языка в школах, об оснащении школ, удовлетворении потребности в учебниках (например, для венгров), то для других — о самой возможности отдать ребенка в школу на родном языке. Одни национальности такой возможности лишились в конце 30-х годов (например, лезгины в Азербайджане), другие — буквально в последнее время (татары в Башкирии). На февральском 1988 г. Пленуме ЦК КПСС закрытие татарских и других национальных школ в Башкирии было приведено в качестве примера недопустимого администрирования и отмечено, что ситуация начинает исправляться¹⁸. В письме от татарина из г. Бирска (БАССР) высказывается опасение, что «уникальное» (в каждом конкретном случае) решение не гарантирует, что нарушения в языковой политике не повторятся.

Должны быть организационные формы учета потребностей в языках обучения. В этом и будет проявляться демократический подход к решению языковых проблем. Да и формы преподавания национальных языков могут быть самыми разнообразными — хотя бы как предмета в начальной школе. Такие формы надо искать исходя из запросов самого населения, их нельзя предусмотреть сверху на все случаи жизни. Существует

¹⁸ Правда. 1988. 18 февраля.

огромный отечественный опыт организации школьного дела в 20-е — первую половину 30-х годов для сравнительно немногочисленных или дисперсно расселенных народов. Кроме того, нельзя обойти и достижения в языковой политике зарубежных стран.

Сложной является проблема финансирования школьного обучения. В каком случае государство обязано брать на себя целиком все расходы по обеспечению национальных школ для этнодисперсных групп, в каких случаях целесообразно привлекать дополнительно средства самого населения — все это нужно выносить на широкое обсуждение. Ясно одно, что в основе решения о том, нужно ли организовывать преподавание на национальных языках или преподавание национального языка как предмета, не могут лежать исключительно экономические расчеты. Помимо самоокупаемости чисто экономической есть еще «самоокупаемость» социальная. Для нашей пестрой в этническом отношении страны преодоление любой напряженности в национальных отношениях, любых ущемлений права народа на свой язык и культуру — это и есть самая выгодная политика.

Многие вопросы языка и культуры в принципе могут решаться в существующих национально-территориальных рамках. Между тем в письмах от представителей национальных меньшинств преобладает мнение, что лишь благодаря созданию новых административных единиц в виде той или иной автономии или измерения уже существующих можно добиться удовлетворения национальных культурных интересов. Татарин из Уфы считает необходимым изменение границ ТАССР и БАССР: «Другой возможности для гарантирования развития нашей культуры, нашей духовной жизни не существует». Таким образом, утверждается, что правовой механизм, исключающий местный произвол в языковой политике, крайне ненадежен.

В одном из писем, пришедших из Москвы, сказано: «Пусть в стране разбросано двести человек, которые помнят и любят какой-то никому больше не известный язык, но для них остающийся близким сердцу. Неужели исключается возможность получения ими хоть раз в месяц, хоть на небольшом листе собственной газеты, отпечатанной на пишущей машинке и размноженной на ксероксе».

К сожалению, такая позиция встречается весьма редко. И дело не в конкретном предложении, а в том, что проявлена забота о языке другого народа. Когда такие мысли будут естественны для общественного сознания, можно будет сказать, что интернациональное воспитание достигло действительных успехов.

Даже в том небольшом объеме почты, которую мы прочли, содержится множество предложений по решению сложных проблем (из 197 писем — в 93). Эти предложения в разной степени детализированы. Порой встречаются тщательно продуманные рекомендации, которые, несомненно, заслуживают внимания. В том же, что такое внимание будет проявлено, авторы писем сомневаются. Многие отмечают, что обращаются в газету, потому что не знают, где бы реально могли рассматриваться их предложения. Систематический учет общественного мнения, выраженного в письмах, обогатил бы практику регулирования национальных отношений. Это та область, где универсальные рецепты неприменимы, хотя и необходимы некоторые общие принципы.

Анализ писем, конечно же, не может заменить массового обследования. Но он помогает выявить проблемные ситуации, факты, обстановку, настроения. Таким образом, он может стать начальной стадией научного исследования.